

ТИХІЙ ЗНОЙ.

ТИХИЙ ЗНОЙ.

1.

Хотя Яковъ Леонидовичъ Бредневъ уже два года тому назадъ получилъ званіе лекаря, но еще онъ былъ такъ молодъ, что ему все нравилось въ жизни. Какъ мальчишкѣ въ правдоподобномъ сказаніи Круммахера, онъ находилъ очаровательными каждое время года, и каждую хвалиму ю мѣстность на землѣ, не думая о другихъ временахъ и мѣстахъ и не сравнивая. Поэтому ему очень нравилась и дачная деревушка Матарраги въ Эстляндіи, на берегу Финскаго залива, и дачники, и мѣстные эстонцы, и милая природа этого края.

Бредневъ совсѣмъ не былъ озабоченъ толками о томъ, что скоро начнется война. Но когда стали говорить, что изъ-за войны придется уѣхать съ побережья въ городъ раньше обычнаго, онъ опечалился и рѣшился дѣйствовать энергично: вѣдь онъ же былъ влюбленъ въ Ольгу Шейну, влюбленъ уже два мѣсяца, но романъ его все еще оставался открытымъ на первой страницѣ.

Бредневъ всталъ рано утромъ, и пошелъ на морской

берега. Они знали, что въ этотъ часъ на берегу, если пройти за деревню версты полторы на западъ, не встрѣтишь никого; кромѣ Ольги и ея друзей племянниковъ, мальчиковъ семи и шести лѣтъ. Малыши не помѣшаютъ, а съ Ольгой надо поговорить наконецъ рѣшительно и прямо.

Изъ-за рошцы на песчаномъ прибрежномъ бугрѣ слышались голоса и смѣхъ Ольги и дѣтей. Радостное ощущение силы, здоровья и веселости охватило Бреднева,—то самое ощущение которое онъ испытывалъ всегда, когда приближался къ Ольгѣ. И это ощущение было тѣмъ сильнѣе и милѣе, что и Ольгина сестра Катя и ея мужъ Николай Борисовичъ Ложбининъ были самые подлинныя столичные нервяки и нейрастеники.

У самой воды на камнѣ сидѣла Ольга, дѣвушка лѣтъ двадцати четырехъ. Ея глаза были устремлены на даль морскую съ выраженемъ дѣтскаго любопытства и веселаго удивленія,—широкіе голубые, глубокіе глаза. Широко-разрѣзанный алогобый ротъ улыбался нѣжно, лукаво и довѣрчиво. и отъ этой улыбки все ея милое лицо, бронзово-загорѣлое, казалось оваренно-хорошѣющимъ съ каждою минутою. Пригрѣтая на мелкомъ пескѣ вода обнимала загорѣлыя такъ же темно, какъ и лицо, почти до коленъ пріоткрытыя стройныя ноги. Ея простая бѣлая одежда казалась такою нарядною, сквозной зелено-ваго-синій шарфъ на ея черныхъ волосахъ былъ завязанъ такъ мило—и отъ всего этого Бредневъ почувствовалъ умиленіе и нѣжность, и ему казалось, что онъ не посмѣлъ бы поцѣловать ни ея алыхъ губъ, ни ея смуглыхъ рукъ.

Два мальчика въ купальныхъ костюмчикахъ, съ голыми руками и ногами, въ соломенныхъ шляпахъ, весело загорѣлые, плескались и бѣгали по водѣ у берега.

радостно занятые водою и камешками. Ольга почти не смотрела на них, но чувствовалось, что они водятся ея волею. Услышавъ шаги, Ольга обернулась, встала, улыбнулась радостно и ласково. Бредневъ поздоровался съ нею и съ дѣтьми,—и мальчики опять занялись своею игрою.

— Да, такъ правда, что будетъ война?—спросила Ольга.—И германцы могутъ сюда притти?

Бредневу мило и забавно было видѣть на Ольгинеиъ лицѣ это выражение вопроса и удивления. Онъ улыбался и уже хотѣлъ сказать что-нибудь пугающее, но во-время вспомнилъ, что Ольга вовсе не робкая, что она ничего не боится. Желаніе подразнить Ольгу быстро погасло въ его душѣ. Онъ сказалъ:

— Германцевъ сюда не пустятъ, и опасности нѣтъ никакой.

— А мы собираемся уѣзжать,—сказала Ольга.

И на лицо ея легла тѣнь печали. И вдругъ оно стало такимъ, словно никогда и не знало улыбки, и это еще болѣе очаровательнымъ.

— Сестра Катя очень беспокоится и боится,—говорила Ольга,—и все порывается поскорѣе ѣхать въ городъ.

— А Николай Борисовичъ?—спросилъ Бредневъ.

Ольга опять засіяла улыбками, и на этотъ разъ въ ея улыбкѣ было милое слияніе радости и печали. Неясное предчувствіе тихо ужалило влюбленное сердце молодого человѣка. Предчувствіе чего? Онъ ждалъ, что скажетъ Ольга.

Она говорила:

— Николай Борисовичъ—прапорщикъ запаса. Его возьмутъ, а сестра Катя уже воображаетъ, что мальчики останутся сиротами.

Слезины блеснули въ Ольгиныхъ глазахъ.

— А вы?—спросилъ Бредневъ.

Лицо его стало мрачно. Ольга подняла на него удивленные глаза.

— Что я?—спросила она.

— Послушайте, Ольга Григорьевна. — тихо говорить Бредневъ,—мнѣ надо сказать вамъ кое-что. Пройдите немного подальше отъ дѣтей.

— Дѣти насъ не слушаютъ,—отвѣчала Ольга.

Но Бредневъ смотрѣлъ на нее такими умоляющими глазами, что Ольга улыбнулась, посмотрѣла на дѣтей внимательно, съ внезапнымъ выраженіемъ строгой воли и пошла вдоль берега. Мальчики занятые игрою не замѣтили, что она отошла. Казалось, что они и не позвать ее, пока она сама о нихъ не вспомнитъ.

Бредневъ шелъ за Ольгой, смотрѣлъ на то, какъ ея загорѣлая голыя стопы легко и спокойно ступали на сыроватый, теплый песокъ, оставляя на немъ легкіе, красивые слѣды,—и сердце его замирало отъ любви къ этой тихой дѣвушкѣ съ лобовитными глазами на смугломъ лицѣ.

Ольга остановилась, улыбнулась, поглядѣла на Бреднева вопросительно.

— Такъ вы о чемъ?—спросила она.

Спросила такъ спокойно, точно ждала, что онъ заговоритъ о завтрашней прогулкѣ. Но ея голубые глаза потемнѣли. Бредневъ понялъ, что она уже знаетъ о чемъ онъ съ нею будетъ говорить и сердце его замерло отъ страха. Точно проваливаясь въ бездну, онъ сказалъ поспѣшно:

— Я васъ люблю, Ольга.

Ольгины глаза потемнѣли еще болѣе, и стали испуганными. Но за мгновеннымъ выраженіемъ испуга въ ея

глубоких глазах явно было на широком разрезе алого рта выражение воли, уже рывившей всё свои пути. Под тонкою тканью белой одежды Ольга грудью поднималась высоко и торопливо. Ольга смотрела прямо на Бреднева, и говорила:

— Друг мой, я боялась, что вы мне скажете это. Боялась. Но ведь вы знаете, что я только с детьми. Я их не оставляю, пока они не подрастут. И совсем не стремлюсь к семейной жизни.

Бреднев смотрел на нее с удивлением. Спичком спокойно звучал ее голос. Как будто уже готовь быть ей отвѣтъ на всё подобное случай. Самолюбивая досада отразилась въ чертахъ его спичкомъ добродушнаго лица.

— Я так и думалъ, — досадливо сказалъ онъ. — Дѣлю не въ дѣтяхъ а въ ихъ отцѣ.

Ольгины глаза гнѣвно зажглись.

— Какъ это глупо! — сказала она, и быстро побѣжалъ къ мальчикамъ.

Бреднев не рѣшился идти за нею. Стоялъ на берегу.

II.

— Пора завтракать, дѣти! — сказала Ольга.

Мальчики побѣжали по песку и мпистой подогрѣннѣ прибрежнаго лѣсна къ своей дачѣ на окраинѣ эстонской деревни. Ольга тихо шла вдоль берега, думая о своемъ и мечтая. Она знала, что дѣти найдутъ дорогу и что съ ними здѣсь ничего не случится. Скоро ихъ званье голоса перестали доноситься до нея. Тогда она вдругъ всплеснула руками повернулась лицомъ къ морю, и по милому лицу ея потекли быстрыя слезы. Не вытирая слезъ, она постояла съ минуту, потомъ вдохнула, улыбнулась и пошла своею дорогою.

Она думала о томъ, кого она любила давно и безнадежно, о мужѣ своей сестры. Зналъ ли онъ что она его любитъ? Кажется, въ послѣднее время онъ сталъ лгаться объ этомъ. Иногда его усталые, разсѣянные глаза останавливались на ней съ внезапнымъ и пристальнымъ вниманіемъ.

Ольга думала, что женитьба Николая Борисовича на ея сестрѣ Катѣ была ошибкою, и что онъ былъ бы счастливей съ нею. Ужъ очень была раздражительна и взбалмошна сестра Катя. Да и не такъ ужъ сильно любила она мужа. Такъ, только держалась за него съ чувствомъ собственности. Дорожила имъ больше, какъ отцомъ своихъ дѣтей и какъ не скушимъ мужемъ. Но такъ же охотно вышла бы и за другого, если бы не подвернулся въ свое время этотъ. А Ольга могла любить только одного. И что ей ея молодость и красота? Пройти, отцѣсти, склониться затоптанымъ цѣвтомъ предорожнымъ.

Каждый разъ, когда кто-нибудь изъ молодыхъ людей подходилъ къ ней съ вниманіемъ и ласкою, она замирала отъ страха. Что она скажетъ на слова чужой любви?

Лучше было бы ей уѣхать далеко, жить одной. Но не слышать милого медленнаго голоса, не видѣть этого нервнаго лица съ мерцаніемъ тихихъ глазъ,—это было бы ей ужъ очень тяжело. И она жила съ сестрою. Зимой давала уроки въ школѣ. Присматривала за племянниками. Наставала на томъ, чтобы ихъ воспитывали въ суровой близости къ природѣ, въ дружбѣ съ чистыми стихіями.

Сначала сестра Катя боялась, что Ольга простудитъ, заморозитъ ея дѣтей. Потомъ повѣрила, оставила дѣтей на попечене Ольги, и занялась своими дѣлами и развлеченіями, суетною жизнью женщины, у которой не такъ ужъ мало денегъ, чтобы стоило тратить время и заботы на ихъ добываніе.

Ольга говорила ей и Николаю Борисовичу.

— Посмотрите на себя въ зеркало,—вѣдь вы не живые люди, а просто комки слабыхъ нервовъ. Подумайте, какъ вы живете: вамъ противно встать утромъ рано, и вы оживаете только тогда, когда зажигается электричество.

Катя отвѣчала:

— Зимой утромъ вставать рано! Да это же невозможно—темно, холодно, тоскливо. Нѣтъ, а только къ вечеру чувствую себя хорошо.

— Слабое, нервное поколѣніе.—говорила Ольга.— Одна только надежда, что дѣти будутъ иными. Я хочу, чтобы ваши дѣти были сильными, смѣлыми.

И часто спорили о дѣтяхъ. Катя сердито кричала:

— У тебя нѣтъ своихъ дѣтей, ты не можешь понять чувствъ матери.

Ольга смотрѣла на нее спокойно, и думала:

«Твои дѣти — дѣти холодной, вялой любви. — полулюбви. Безъ меня они были бы полуплюдами. Только моя любовь, любовь моя безъ мѣры, сдѣлаетъ этихъ дѣтей дѣтьми радости и счастья».

Настойчиво и терпѣливо добилась она того, чтобы дѣти воспитывались, какъ она хотѣла.

III.

Дома—шумъ, крикъ. Еще издали слышала Ольга Катинъ крикъ и дѣтскій плачь, и побѣжала къ дому.

— Что такое? Что случилось? — спрашивала она, вбѣгая на террасу.

Эмилия встона за нѣмку, по титулу бонна, а на дѣлѣ нѣчто среднее между экономкою и горничною милويدная молоденькая дѣвушка въ бѣлой блузкѣ и синей юбкѣ

съ рожанымъ подомъ, босая и загорѣлая, какъ Ольга, лугливо отвѣчала:

— Еватерина Григорьевна сердится, зачѣмъ дѣти долго гуляли. А я не могла за дѣтьми сходить, мясникъ приближалъ, бѣлье гладить, варенье варить надо, такъ много дѣла по дому.

Видимо, радуясь, что можно уйти отъ дѣтей плачу-пику и отъ хозяйки разсерженной, Эмилія быстро побѣжала черезъ садъ въ кухню, поправляя на бѣгу вопкнутыя въ прическу желтыя целлулоидныя гребенки. Прическа у нея была такая же, какъ у Ольги, и во всемъ она старалась подражать Ольгѣ.

Ольга подумала:

«Отчего я, такъ легко накладывающая на другихъ печать моей воли, все-таки волею моею не могла взять его любви, не выразила его моею любовью? Или только тотъ и силенъ, кто силенъ не о себѣ, чья любовь не раздѣлена и чиста?»

Ольга не спѣша вошла въ комнату. Мальчики бросились къ ней, и прижались къ ея юбкѣ, боязливо поглядывая на разсерженную мать. Катя ходила по комнатѣ, дымгла лапширокою, постукивала высокими каблукками, и кричала:

— Разбалованные скверные мальчишки!

Кое-какъ причесанная, кое-какъ одѣтая, слабо зарумянившаяся на лѣтнемъ солнцѣ, — Катя, по всему было видно, только недавно встала съ постели.

— Что случилось? — спросила Ольга.

— Что случилось? — закричала Катя, останавливаясь передъ Ольгою. — Сказки, пожалуйста, Ольга, что это значить, что дѣти цѣлое утро пропадали Богъ вѣсть гдѣ, и наконецъ пришли одни?

— Мы были вместе, — отвечала Ольга, — потому дети побѣжали домой, я осталась.

— Воплощенная кротость! — язвительно сказала Катя. — Но я знаю, гдѣ ты была и съ кѣмъ любезничала.

— Эмилия Карловна! — крикнула Ольга, подходя къ двери изъ столовой въ сѣни, за которыми была кухня, — возьмите дѣтей, побудьте съ ними часокъ. Дайте имъ ѣсть.

Эмилия торопливо вышла изъ кухни, оправдая рукава на покраснѣвшихъ отъ кухоннаго жара рукахъ, и увела дѣтей въ садъ, въ бесѣдку, гдѣ завтракали и обѣдали въ хорошую погоду.

— Николай Борисовича нѣтъ дома? — спросила Ольга.

— А ты не знаешь, гдѣ онъ? — сердито говорила Катя. — Я завтракала одна въ то время, какъ вы изволили прогуливаться.

— Я съ утра не видѣла Николая Борисовича, — спокойно возразила Ольга. — Уверено тебя, ты ошибаешься. Если я съ кѣмъ разговаривала, такъ только съ Бредневымъ.

Катя язвительно захохотала.

— Сказки рассказываешь, милая.

Ольга улыбнулась.

— Бредневъ сказалъ мнѣ, что любить меня.

Катя зажглась нетерпѣливымъ любопытствомъ. Даже папиросу оставила, положила въ непальницу.

— Ну и что же? Что же ты? Сказала да?

— Сказала нѣтъ, — отвѣтила Ольга, и заплакала.

Катя ярко покраснѣла.

— Вотъ какъ! Сказала нѣтъ! — съ тихой яростью говорила она. — Скажите, пожалуйста! Мы любимъ другого! Но только другой — чужой мужъ. Да тебя это не

оставляет? Ну, что жь, нарушай чужое счастье, отнимай у сестры мужа.

— Катя, Катя, зачѣмъ ты это говоришь? — плача сказала Ольга. — Я никогда ему ни слова не сказала о моей любви, и онъ никогда не узнаетъ, что я его люблю.

— Зачѣмъ же ты живешь съ нами?

— Только для дѣтей.

— Чтобы сдѣлать ихъ грязными, царапанными дикарями?

— Чтобы сдѣлать ихъ господами и повелителями жизни, кующими свою судьбу по своей волѣ. Но если ты не хочешь ты можешь сказать мнѣ, чтобы я ушла, — твои дѣти, дѣлай съ ними, что хочешь. Расти ихъ такими же невращенниками, какъ ты и Николай.

Катя засмѣялась. Сѣла на диванъ. Задумалась, успокоилась.

— Ты — хитрая, — сказала она. — Уйдешь, и его за собой потянешь. Нѣтъ, пока ты съ нами, я все-таки спокоина. Я знаю, что ты — честная, что ты меня не обманешь.

Сестры обнялись и плакали.

IV.

Вечеромъ газеты принесли извѣстие о мобилизаціи. Событія пошли быстро. Черезъ нѣсколько дней Катинъ мужъ былъ призванъ на войну, быстро собрался и уѣхалъ. Сестры остались на дачѣ. Катя хотѣла уѣзжать въ городъ, а Ольга уговаривала ее остаться хоть до половины августа.

— Пойми, — говорила она. — разъ, что Англія объявила войну, такъ германскій флотъ ничего те можетъ сдѣлать. Здѣсь совершенно безопасно, высадка невозможна.

Катя ей бы пожалуй, и не повѣрила, и настояла бы на немедленномъ отъѣздѣ въ городъ. Но разговоръ съ Бредневымъ далъ ей мыслимъ другое направленіе.

Проводивъ мужа до станціи, Катя возвращалась домой на извозчикѣ вмѣстѣ съ Бредневымъ.

— А Ольга Григорьевна не провожала?—спросилъ Бредневъ.

— Она осталась съ дѣтьми,—отвѣчала Катя.

— Собирается въ городъ?

— Ей не хочется въ городъ, она настаиваетъ, чтобы мы остались здѣсь до конца лѣта.

Бредневъ засмѣялся. Его добродушные сѣрые глаза вдругъ стали злыми. Онъ говорилъ:

— Не можетъ быть! Ольга Григорьевна поступитъ на курсы сестеръ милосердія, и постарается попасть поближе къ Николаю Борисовичу.

Катя поблѣднѣла.

«О, хитрая, хитрая! — думала она про востру.— Нѣтъ, ты не поѣдешь въ городъ».

И онѣ уѣхали самыми послѣдними изъ дачниковъ, когда уже ночи стали совсѣмъ темны, и когда уже вѣлѣно было не зажигать вечеромъ огня въ комнатахъ, окна которыхъ видны съ моря.

Переѣхали въ городъ, и Катя стала тревожиться ожиданіемъ, когда же Ольга поступитъ на курсы. Но Ольга занималась съ дѣтьми, Катя стала бояться что Ольга и такъ найдетъ возможность уѣхать въ армию, увидѣтъ Николая Борисовича и увлечетъ его. Прочтя въ газетѣ рассказъ о женщинѣ, надѣвшей мужской костюмъ и пошавшей въ ряды арміи, Катя очень испугалась.

«Вотъ такъ и Ольга поступитъ, — думала она.— Встрѣтится съ Николаемъ, и онъ влюбится въ нее».

На стерпѣнь страха, Катя рѣшила объясниться съ сестрою. Дѣтей отправила съ Эмилиєю на улицу, а Ольга сказала:

— Мнѣ надо съ тобою поговорить.

Когда сестры остались однѣ, Катя прямо приступила къ дѣлу. Она сказала:

— Ольга, не скрывай. Я догадалась. Я знаю, что ты хочешь сдѣлать.

И заплакала. Ольга смотрѣла на нее, широко открывая глубину голубыхъ, удивленныхъ глазъ.

— Катя, милая, что ты? О чемъ ты догадалась! Что ты обо мнѣ думаешь? О чемъ плачешь?—спрашивала она, обнимая сестру.

Катя говорила:

— Ты обрѣжешь волосы, одѣнешся мальчишкою, достанешь паспортъ, и поступишь въ солдаты.

Ольга засмѣялась. Потомъ нахмурилась. Спросила:

— Зачѣмъ мнѣ все это сдѣлать?

— Ты сама знаешь, зачѣмъ.

— Зачѣмъ же? Воевать съ германцами? Быть съ твоимъ мужемъ?—спрашивала Ольга.

— Да, да, вотъ именно все это,—сухимъ отъ злыхъ слезъ голосомъ отвѣчала Катя.

Ольга обняла ее, поцѣловала крѣпко, и сказала:

— Катя, милая, повѣрь мнѣ, я никогда не говорю неправды. И то, и другое я уже сдѣлала. Мнѣ не надо рѣзать волосы и поступать въ солдаты,—я и такъ воюю съ врагами. Мнѣ не надо ѣхать туда, гдѣ Николай—я и здѣсь съ нимъ. Ты меня понимаешь?

— Нѣтъ,—тихо сказала Катя.

— Пойми, Катя,—говорила Ольга—я воспитываю въ твоихъ дѣтяхъ волю къ господству надъ жизнью, научаю ихъ хотѣть и достигать, и если они и друзья дѣти,

теперь растуща, станут такими, как я хочу, тогда никакой враг не будет страшен нашей родине.

— В этом, Ольга, я тебя давно повѣрила, — отвѣчала Катя. — Помнишь как я испугалась, когда первый раз увидѣла дѣтей толпами на снѣгу, на морозѣ? Теперь я за них не боюсь, я тебя вѣрю. Но я того боюсь, что ты тянешься къ моему Николаю, и наконецъ отнимешь его отъ меня.

— Это могло бы быть, Катя, — отвѣчала Ольга. — если бы не было дѣтей. Но вѣдь я, когда съ его дѣтьми живу съ нимъ и для него. Развѣ ты не понимаешь, какое это высокое счастье — быть съ любимымъ въ томъ, что живо и молодо, въ его дѣтяхъ, и на этомъ мосту между нимъ и мною цѣловать его цѣловавшемъ чистымъ и безъ горечи?

Катя подняла голову, положила руки на Ольгины плечи и долго смогрѣла въ ея дивные навѣки удивленные высокою тайно, жизни и любви глаза. Долго смогрѣла и плакала. Потомъ стала переть Ольгой на волѣни, и припала губами къ ея рукамъ, и цѣловала ихъ, цѣловала ихъ упоенно и самозабвенно. И въ эту минуту сердце ея открылось для любви, которой раньше она не знала.
